

Ольга

Тригорьева

КУСТ ВЕСЕННИЙ, ЦВЕТЕНИЕ БОЖИЕ...

ЗАБУДЕШЬ. ПРИВЫКНЕШЬ

О, первая детская острая рана –
Отрезали косы.
«Привыкнешь, забудешь» –
погладила мама,
И высохли слёзы.

А в юности горе –
предательство друга.
Любовь уходила...
«Привыкнешь, забудешь» –
сказала подруга.

Привыкла. Забыла.

...И чёрная весть ослепит, огорошит,
Ты вздрогнешь и вскрикнешь.
Но время пройдёт, заметёт, запорошит.
Забудешь. Привыкнешь.

ЗВУК РОГА В ТУМАНЕ

Поэт – тот, кто временем ранен,
Кто с детства услышать смог
Звук рога в густом тумане,
Как это слышал Блок.
Хотя бы чуть-чуть, немного
В тумане угарных лет
Расслышать звучанье рога
Призывом твоих побед.

А может быть, звук случайный
Пробился сквозь эту взвесь?
Есть в блоковском роге тайна,
Загадка в тумане есть.
Зовёт в небеса ли, к Богу,
Иль просто в далёкий путь?
Призывные звуки рога
Мне вновь не дают уснуть.
Но как обречённо трудно
Добраться до тех вершин,
Пока смертный голос трубный
Звук рога не заглушил.

У МОГИЛЫ БРОДСКОГО

У могилы Бродского вытоптана трава.
Кто сюда приплывает –
гадать пока не берусь.
Но мелькает надежда,
что тот, кто приплыл, сперва
Прочитал его строчки.
И это, конечно, плюс.

У могилы Бродского –
виски, любимый «Кент».
Сан-Микеле пахнет
разлукой, виной, бедой.
И понятно, что Бродского
в этой могиле нет.
Он давно стал Венецией,
тёмной её водой.

У могилы Бродского
 замерли век и стих.
 А ромашки –
 как на Васильевском,
 не забыть.
 Что за тайну он там увидел,
 раскрыл, постиг?
 Что со смертью не всё кончается?
 Может быть...

Тех, кто за год потерял.
 Оплакан ли?
 Или некому было рыдать?
 Мелкий дождик пугает их каплями,
 Но они продолжают летать.
 Притворяясь цветами ли, листьями,
 Или бабочкой лёгкой кружась,
 Остаётесь красивыми, чистыми.
 Я вас помню. Я плачу о вас.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Ты бессмертен, отец.
 Ты идёшь в Бессмертном полку.
 Как бессмертны те,
 кто лежал в кровавом снегу,
 Кто живьём горел
 и принял последний бой.
 Снова живы все.
 Снова встали сегодня в строй.
 Ваши лица плывут рекою,
 живой волной.
 Мы несём их,
 опалённые той войной.
 Неразрывны судьбы.
 Едины и шаг, и вздох.
 И бессмертны те,
 кто встали в Бессмертный полк.

Сохраним в сердцах
 этот чистый высокий звук.
 Посмотри, отец,
 в колонне шагает внук.
 Скоро правнук возьмёт
 твой фронтовой портрет.
 Есть Бессмертье, Память, Победа.
 А смерти – нет.

БАБОЧКИ

Словно жёлтые яркие лампочки
 Зажигаются в гуще ветвей.
 Прилетели июньские бабочки –
 Это души ушедших друзей.

ВАГОН

Качай, качай меня, вагон,
 А ты, дорога, не кончайся.
 Пойду и в воду, и в огонь,
 Но лишь вези, вези, качайся!
 Чуть-чуть поскрипывай в оси,
 Чуть-чуть постукивай на стыках,
 Всё дальше, дальше увози
 От вязких дум, от мыслей диких.
 Но в зеркале ночном двойник
 Тебе в глаза посмотрит долго,
 И станет ясно в тот же миг,
 Что не спасёт плацкарта полка,
 Что никогда твоя печаль
 Не убежит и не отстанет...
 Качай меня, вагон, качай,
 Укачивай и боль, и память.

БЕЗ МАМЫ

В детский сад будили рано.
 Темень, холод, снег идёт...
 Привыкала жить без мамы.
 И привыкла – через год.
 В школу – бодрими шагами,
 Новый опыт, круг друзей...
 А душа летела к маме,
 В руки тёплые скорей.

Были первые свиданья,
 И последний был звонок.
 И испёкся на прощанье
 Мамин праздничный пирог.

Ах, как душа болит,
 Что же мне делать с нею?
 Это прививки вид.
 Больше не заболею.

* * *

Как быстро,
 Как быстро сегодня летят облака.
 Быстрее, чем жизнь?
 Нет, наверное, медленней.
 И как бы дорога твоя ни была высока,
 Погода всё ветреней.
 А в детстве они,
 Неподвижные, пышно стоят –
 Белоснежные пагоды.
 С годами быстрее-быстрее-быстрее
 Летят,
 Дождинками падают.
 Зачем вы так быстро,
 Постойте, вернитесь ко мне!
 Не слышат. Не слушают.
 Несутся, клубятся,
 Становятся там, в вышине,
 Ушедшими душами.

СНИТСЯ ЕЙ...

Памяти А. Т. Поминовой

Света не включает, сидит впотьмах.
 То ли от жары, то ль от жизни тяжко.
 Снится ей, что дети её на руках,
 Маленькие дети – Шурка, Наташка.
 Меж собой дерутся, как было давно,
 Что-то не поделят... На них кричала...
 Годы промелькнули, как в старом кино.
 Только почему-то снится начало.

Вдруг очнётся,
 Вскрикнет – руки болят.
 Тяжело держать... Просыпаться – жутко.
 Детки её выросли.
 В могилах лежат.
 А во сне – трёхлетние.
 Наташка, Шурка...

ПЕСЕНКА ПРО УЮТ

Как зябко на белом свете...
 Давай создадим уют!
 Но что-то не едут дети,
 И гости к нам не идут.

Друзья, окажите почть –
 К общению стол готов.
 Спасеньем от одиночеств
 Пусть будет наш скромный кров.

Пока же знакомцев старых
 За ужином соберём.
 И Визбор возьмёт гитару,
 И мы ему подпоём.

И стопочка книг неброских
 Заполнит собой досуг.
 И Бродский, и Заболоцкий
 Войдут в этот узкий круг.

И женщины непременно
 Украсят собой уют.
 И Анна, Марина, Белла
 Стихи почитают тут.

И всё это близко, рядом,
 И всё наяву почти.
 О, Белла, возьми подарок
 И снова стихи прочти.

Как дороги встречи эти!
 Совсем ни при чём уют.
 И скоро приедут дети.
 И гости уже идут!

ЦВЕТАИНСТВО

«Цветаинство» – я прочитала слово
 Над книжной полкой, в городе Тарусе.
 Его придумал, зная, какой-то гений
 Иль этот молчаливый продавец,
 В пустом и неказистом магазине
 Смотрящий на входящих
 С вечной грустью,

Ну а сегодня – с маленькой надеждой,
Что, может, что-то купим наконец...

Цветаинство царит на этих полках.
Откроешь книгу – и пойдёт сиянье!
Наверно, тут должны толпиться люди,
Должны все книжки разбираться влёт!
Но то, что высоко, толпа не любит.
Спасёт не обожанье – пониманье.
Какие тиражи теперь, Марина!
Настал черёд. Но кто те вина пьёт?

...Здесь в детстве жизнь была
Подарком царским.
Что сёстрам довелось... Не хватит слов.
Цветаинство витает над Тарусой
И окропляет нас дождём октябрьским,
И устилает золотом дорожки,
И озаряет пламенем костров.

ИЗ КАРАНТИННЫХ

* * *

А хочется проснуться и понять,
Что это было сном. Тяжёлым сном.
Всё хорошо. Открыты все границы.
Придут друзья. Придут дети-внуки.
А завтра – вот билеты! – на концерт.
А через месяц полетим на море...
Но утром понимаешь – всё не так.
Всё правда. Ничего тебе не снилось.
Всё перекрыто. В мире карантин.
Невидимая точка, пыль, частица
Так изменила жизнь, что стало страшно:
А если мать-природа бросит в дело
И видимые, сильные войска?
Настолько, значит, мы её достали,
Она решила показать воочью –
Никчемн, слаб, труслив и бесполезен
На этом шаре, на Земле прекрасной
Такой несовершенный человек...

* * *

Двадцатый, нелёгким ты выдался.
Потери, разлуки... И «срок» –
Попрятались люди от вируса.
Жестокий наглядный урок:
Цените семейные малости,
Прогулки, закаты, друзей.
Живите **на родине** радостно!
Душою займитесь своей.
Возможно, пройдем испытание.
И станет понятно для нас,
Что послано не наказание.
Проверка. Надежда. И – шанс.

* * *

Полосатая шляпа – спасение.
Надеваю её в тоске...
По волшебному мановению
Я не дома, а в Судаке!
Тут гора стоит многослойная,
Ослепительна моря гладь...
И такая шляпа солёная,
Что веки не отстирать!
Просолилась волной судакскою,
Жарким полднем степных дорог.
Ветерок обвевает с ласкою.
Где-то здесь, где-то рядом Бог.
Долгожданная воля-волюшка!
Чайки носятся и кричат...
В полосатой шляпе – от солнышка –
Я иду сейчас на Алчак.
Среди скал и камней поваленных
(Ох, тряслась когда-то земля!) –
Тёмно-синих, зелёных, палевых,
В глубь морскую бросаюсь я.
...Не сижу под крышей дырявою,
А в цветном ореоле брызг
Это я веселюсь и плаваю,
Это я воспеваю жизнь!

Павлодар

